

ПАМЯТНИК
ИЛЬИЧУ

РАССКАЗЫ

ВЛЮФТ
Валдемар

Автор книги в изложении прост и ясен. Персонажи рассказов с характерами, как и в реальной повседневности, но жизненные повороты в повествованиях не всегда предсказуемы, а психологизм (порой и трагизм) положений глубок.

Валдемар Люфт

Памятник Ильичу

Рассказы

Памятник Ильичу

Памятник привезли после обеда. Он был упакован в массивный ящик из строганных досок. Камаз с ящиком загнали в крытый гараж, чтобы, не дай бог, он не попал под дождь. Его заказали ещё в прошлом году маститому областному скульптору, который специализировался на памятниках и бюстах великим вождям пролетариата. Стоил он дорого, но у райкома на эти цели денег было всегда в достатке.

В этот же день Скворцова вызвали в райком. Он был коммунист с большим партийным стажем и работал слесарем в комхозе. В райком привёз его сам начальник комхоза на своей служебной машине. Секретарь по идеологии и несколько работников райкома вышли на площадь, чтобы определить место для нового памятника. В конечном итоге, лучшее место было там, где уже стоял бюст Ленину. Он был изготовлен из гипса, стоял здесь уже больше тридцати лет, и в его бетонное основание несколько раз въезжали пьяные водители на своих машинах. В прошлом году

построили новое массивное здание райкома партии, и бюст на его фоне смотрелся теперь маленьким и незначущим. Это принижало величие вождя и идеологически было недопустимым.

Когда окончательно утвердили место для нового памятника, секретарь отвёл Скворцова и начальника комхоза в сторону, подальше от своих подчинённых.

— Бюст нужно ещё сегодня ночью убрать. Желательно попозже. Это будет не очень хорошо выглядеть, если мы будем его убирать на виду у людей.

Возражать партийному руководству было не принято, поэтому договорились, что Скворцов приедет поздно ночью на кране и со сварочным аппаратом и выполнит эту ответственную работу. Помочь ему в этом брался сам начальник комхоза. Об оплате ночной работы речь никто не заводил. Скворцов понял, что это было почётное партийное поручение.

Ночью старый бюст убрали с площади и вместе с бетонным основанием его спрятали в дальнем углу комхозовского склада.

К десяти часам утра на центральной площади районного центра уже стояли Камаз с ящиком и автокран. Скворцов и автокрановщик осторожно распаковали памятник Ленину. Даже лёжа в ящике он был величественен и строг. Вытянутая рука

указывала из ящика на безоблачное небо, где далеко, за приятной голубизной, была бесконечная пустота. Когда установили гранитное пирамидальное основание, встала проблема, как поднять памятник и установить его на постамент. Секретарь и два инструктора находились тоже здесь. Кто-то предложил зачалить памятник под мышками и таким образом поднять его из ящика, но просунуть чалку под памятником Скворцов не сумел. Свободное пространство было только под коленями и под шеей. Скворцов вопросительно предложил:

— Может быть, мы протянем чалку под шеей и за шею поднимем памятник?

— Вы что предлагаете, товарищ Скворцов, — возмутился один из инструкторов, — Ленина — и за шею поднимать. Какое впечатление это у людей оставит?!

Уставший ещё с ночи Скворцов, сдерживая раздражение, сказал:

— Если вы знаете, как это лучше сделать, подскажите.

Инструктор влез на Камаз и стал тщательно исследовать ящик с памятником. Секретарь райкома и второй инструктор, сославшись на дела, исчезли. После нескольких попыток протянуть чалку в других частях тела Ильича, инструктор спрыгнул с кузова Камаза и поспешил тоже в

здание райкома. Начальник комхоза уехал контролировать, как идёт ремонт районной котельной. На площади, кроме Скворцова, крановщика и двух-трёх любопытных, никто не остался.

Скворцов протянул верёвочную чалку под шеей памятника, вложил между бронзовой шеей и толстой верёвкой несколько поролоновых прокладок, вторую чалку он для страховки затянул на изгибе левой руки памятника, и подал команду крановщику «Вира». Памятник медленно стал подниматься из ящика. Скворцов придерживал его за ноги, чтобы он не соскользнул и не повредился. Постепенно памятник выпрямился и, затянутый на шее на удавку, покачивался на стропях. Крановщик осторожно повёл стрелу к гранитному основанию. В гранит были уже ввернуты две медные пластины. Скворцов установил ступни Ильича на пластины и приварил их специальными электродами по меди. Взобравшись по лестнице на высоту памятника, он освободил его от чалок, вытер чистой тряпкой шею и изгиб левой руки и, убедившись, что медь нигде не была повреждена, спустился на землю. Здесь он зачистил наждаком сварочный шов так, что его не стало видно и подал команду крановщику собирать стрелу. Когда стрела крана лежала на месте и Скворцов собрал кабеля сварочного аппарата, он придирчиво осмотрел результат своей работы.

Памятник был из меди и ярко блестел на солнце. Вождь стоял спиной к зданию райкома партии и указывал правой рукой направление, где по его идее ждало людей сытое, беспечное и счастливое будущее.

На площадь вышли два райкомовских секретаря, инструкторы и заведующие отделами. Набралась довольно таки большая толпа. Они критически, со всех сторон, осмотрели новый памятник, но никто не высказывался, пока секретарь райкома не сказал:

— Хороший памятник и прекрасно вписывается в архитектуру площади.

Его слова послужили сигналом для остальных, и нестройный гул одобрения и восхищения послышался из толпы райкомовских работников. Секретарь райкома, игнорируя Скворцова, подошёл к начальнику комхоза и протянул ему руку.

— Спасибо, товарищ Галкин, вы хорошо поработали. Приглашаю вас в субботу на торжественное открытие памятника Ленину.

Через несколько лет, когда развалилась партия и вместе с ней Союз, бывший инструктор райкома, который возглавлял теперь новую демократическую партию, выступил с инициативой убрать памятник Ленину с центральной площади. Снимали его с пьедестала в открытую, не боясь мнения людей. Загружая памятник на грузовую

машину, повредили правую руку вождя и свернули стальным тросом ему нос. Отвезли памятник в комхоз и положили его вниз лицом за складами под забором, где росла высокая лебеда.

Когда цветут маки

Дорога плавно поворачивала вдоль излучины реки. Середина мая. Было тепло, но от реки веяло прохладой и ветерок, влетающий в открытое окно машины, приятно охлаждал уставшее от длинной дороги тело. Вскоре река осталась позади и шоссе потянулось вдоль давно нетронутых полей. Ровно гудел мотор старенькой ГАЗ-69. Этой машине, наверное, лет сорок. Она была ухоженной и в салоне чувствовался некоторый комфорт. Конечно, это не «Мерседес» и даже не «Опель-корса», но для этих мест газончик был самый подходящий транспорт. «Интересно, — подумал Эвальд, — долго бы выдержали на этих ухабистых грунтовых дорогах полированные и хромированные европейские стилиаги?».

— Сколько лет этому газончику? — спросил он Дарбая, своего сокурсника по институту.

— По документам машина была выпущена в 1962 году. В ней уже ничего родного не осталось. Рама новая, сиденья жигулёвские, год назад новый мотор от «Волги» поставили.

Дарбай ударил ладонями по рулю:

— Эх! Что бы я делал без этого старичка?!

И действительно, чем дальше машина удалялась от населённых пунктов и центральных дорог, тем глубже была колея. Кое-где в ямах стояла вода, и колёса газика проваливались в яму. Мотор начинал натуженно реветь, Эвальда кидало из стороны в сторону, но газик, не теряя скорости, уверенно продолжал свой путь.

Цель друзей была Джайляу. Эвальд давно мечтал попасть в эти места. Здесь, в предгорье Алатау, была ещё не тронутая природа, ручьи не высыхали почти всё лето, в лощинах стояла трава в рост человека, и на зелёных холмах нагуливали жир овцы. В детстве он бывал здесь много раз. Живший через дорогу сосед, колхозный шофёр дядя Боря, когда ему выпадал рейс на Джайляу, брал с собой своих двух сыновей и, так как Эвальд был их самый верный друг, его тоже. У него осталась в памяти длинная ухабистая дорога, зелёные холмы, видневшаяся за ними горная гряда, обтянутые широкими лентами с казахским орнаментом серые и белые юрты, запах горелого кизяка и кислого молока. День на Джайляу проходил всегда по одному и тому же сценарию. В первую очередь, друзья забирались по еле заметным уступам на высокую гранитную гору и с интересом наблюдали за шофером и чабанами, превратившимися вдруг в

лилипутиков. От мотора игрушечной машины шёл пар. Чабаны и дядя Боря выгружали ящики из кузова, потом что-то загружали в него и, в конце концов, по установившейся традиции исчезали в одной из юрт. Возле неё на сложенном из камня очаге стоял казан, в котором варилось свежее мясо. До самого вечера мальчики были предоставлены самим себе. Они лазили по горам, бегали наперегонки с собаками по травянистым склонам, дразнили бородатого козла, катались на неосёдланных лошадях, и к вечеру валились у юрты от усталости на землю. Через кошму слышен был громкий разговор и смех. Когда начинало темнеть, дядя Боря выходил вместе со своими собутыльниками на улицу. Кто-нибудь из казахов забрасывал в кузов связанного по ногам живого барана. Дядя Боря прощался за руку с чабанами, с их жёнами и детьми, с трудом залазил в кабину старенького ЗИСа и дети усталые, но счастливые, ехали домой. Дорога назад была ещё длиннее, чем на Джайляу. Пьяный шофёр терял иногда управление, колёса налетали на камни или выскакивали из колеи, маленькие пассажиры в кузове до хруста в пальцах держались за борта, боясь вывалиться, но всё-таки к полночи были дома.

Здесь на Джайляу Эвальд познакомился с Дарбаем. Он учился в интернате, но все каникулы

проводил у своих родителей на отгоне. Случайно они оказались в одном институте и дружба, начавшаяся в детстве, за время учёбы окрепла. После института их распределили в одну и ту же строительную организацию. Эвальд долго оставался рядовым инженером, а Дарбай сделал карьеру, перешёл работать в райком инструктором. Он далеко пошёл бы со своей способностью аргументированно говорить, деловой хваткой и связями родителей, но пришедшая перестройка распорядилась его судьбой по-другому. Теперь он имел собственное хозяйство. Несколько отар паслись на Джайляу, на восстановленной ферме стояло два десятка коров и старенькие тракторы обрабатывали приватизированную им землю. Дарбай давно звал друга в гости, но у Эвальда не было времени. После каждого письма из Казахстана ему несколько ночей снилось Джайляу. Во сне он лазил, как в детстве, по горам, бежал по пологому склону к видневшимся в лощине юртам, пил из пиалы пахучий терпкий кумыс или наваристый бульон, и просыпался, запыхавшийся от долгого бега и от вкуса кумыса во рту. Наконец-то, у него нашлась возможность вырваться из этого замкнутого круга повседневных забот, пропитанного сыростью и туманом климата, запаха асфальта, автомобильного угара и вони с крестьянских полей. Самолёт перед обедом

приземлился в аэропорту южного города, где его встречал Дарбай. Друзья перекусили в ресторане и после трёх часов езды по асфальту свернули на грунтовую дорогу. Они сказали друг другу самое основное, и теперь Эвальд сидел возле водителя, отвлечённо слушал, о чём тот говорил и впитывал в себя окружающий ландшафт, наслаждался ярким солнцем, бившем в лобовое стекло, и свежим воздухом.

— На отгоне моих овец пасут брат и племянник, — рассказывал Дарбай. — Там же дядя пасет свои отары. Ты должен помнить моего дядю. Он ещё получил звезду героя за несколько лет до перестройки. Старый, но крепкий старик. Недавно женился. Официально у него одна жена. Вторая жена у него была ещё при советской власти. Когда его младший брат попал под поезд, осталась жена с ребёнком. Кулантай забрал её к себе в дом. Она родила ему ещё двоих детей. Прошлой осенью новую жену взял. Самому уже под семьдесят, а молодой жене 25 лет. Вдова, но без детей. Кто-то из родственников привез её из города. На сохранение, наверное, — Дарбай засмеялся и продолжил: — Мой племянник тоже недавно женился. Его жена окончила институт, но работу не нашла. Теперь помогает овец пасти. Брат со своей женой тоже здесь, на отгоне. Вчера поставили еще одну юрту для моей семьи. Навес сколотили. По случаю твоего

приезда настоящий той будет. Я попросил женщин нарядиться в национальную одежду. Им праздник, и тебе приятно будет.

Дорога начала петлять вдоль холмов. Видневшиеся впереди горы стали ближе и кое-где из земли торчали острые гранитные камни. Высоко в небе летали несколько птиц. Они парили над землёй, как планеры, выискивая жертву. Суслики, не зная о грозившей им опасности, столбиком стояли у своих нор и удивлённо провожали натуженно ревушую на подъёмах машину. Поднялись на очередной холм, и вдруг перед друзьями открылась неопишуемая красота. Ручей голубой лентой прорезал широкую лощину. Небольшое озеро раскрытой ладонью лежало у истока ручья и в его прозрачной воде отражались зелёный склон горы с вкраплениями начинавших цвести маков, выступы серовато-розового гранита и синее небо. Несколько серых и белых юрт рассыпались по зелёному полю в ста метрах от озера. Где-то далеко, на другой стороне лощины виднелись пасущиеся овцы. В солнечном испарении они, казалось, парили в воздухе. Лай собак доносился от юрт. Лёгкий ветерок приносил дым от топившихся очагов.

Газик сменил свой рассерженный рёв на удовлетворённое урчание и спустился по пологой дороге к юртам. Многочисленная ребятня оставила

свои игры и побежала навстречу машине. Женщины в белых платьях и в тёмных плюшевых жилетках, прекратили свою возню у очагов и под навесом, сгрудились у одной из белых юрт и с интересом наблюдали, как их долгожданный гость выходил из машины. На некоторых из них были одеты шёлковые платки или чёрные, расшитые казахским орнаментом шапочки. От долгой езды у Эвальда затекли ноги и болела спина. Он с трудом сделал несколько шагов. Откуда-то враз появились мужчины. Большинство женщин и мужчин были ему незнакомы, но он с удовольствием пожимал каждому руку, искренне радуясь видеть безхитростные казахские лица, с которых ни царь, ни советская власть не смогли изгнать выражение собственного достоинства и уважения к гостю. С теми, кого хорошо знал, он обнимался, обмениваясь короткими фразами. Вот седобородый аксакал Кулантай. К нему Эвальд подошёл в первую очередь, подчеркивая этим уважение к старшему. Вот Бауржан, брат Дарбая. Вот Сагындык, их племянник. Вот Сауле, жена его друга. Красавица, она не одному студенту в институте вскружила голову, но вышла замуж за Дарбая.

После приветствий мужчины расположились под навесом на растеленных коврах. Одна из женщин разлила из кожаного бурдюка кумыс по пиалам. У дастархана на почётном месте сидел

Кулантай. Он сложил ноги калачиком, ссыпал в ладонь несколько крупинок насвая, привычно закинул в рот и, комично двигая нижней беззубой челюстью, начал расспрашивать гостя о заграничной жизни. Эвальда посадили рядом с ним, подчёркивая этим его близость к самым почётным людям. С другой стороны от Кулантая оставалось место для Дарбая. По случаю «высокого» гостя мужчины были празднично одеты, а на Кулантае был накинут богатый, расшитый золотыми нитками халат.

В первую очередь, аксакал начал расспрашивать гостя о здоровье жены и детей. «Жена здорова, работает в больнице, — отвечал гость. — Дочь учится в гимназии, сын в профессиональном училище». «Жаксы, жаксы» — приговаривали чабаны, показывая, как они рады, что в семье их гостя всё хорошо. Ответы Эвальда иногда восхищали, иногда удивляли его слушателей. А может быть, им было совершенно безразлично, о чём им рассказывал их гость, но из уважения к нему делали вид, что удивлены и восхищены. Они искренне удивились, когда их гость сказал, что работает столяром на мебельной фабрике. Как так?! Инженер с высшим образованием — и столяр?! Пришлось объяснить:

— Большая безработица. Место инженера или мастера не нашёл и чтобы прокормить семью,

пошёл временно на простую работу.

Узнав, что их гость — простой рабочий, чабаны почувствовали себя свободней. И Эвальд был рад этому. Пропала та тонкая граница между «высоким» гостем из-за границы и чабанами из глубинки. Полился откровенный разговор. Дарбай с двумя молодыми работниками разделявал недалеко от очагов только что зарезанного жирного барана. Принесли чай с молоком, через некоторое время куйрдак. Разлили по полстакана водки и в ожидании бешпармака начали говорить о хозяйственных делах, о политике, о болезнях и о своих детях. Солнце ушло за горы. Где-то за юртами ровно гудела переносная электростанция. Одна лампочка под навесом и вторая возле казанов помигивали в такт работы двигателя, и возле них роилась мошка. Собаки выстроились у навеса, ожидая, когда принесут мясо, и полетят обглоданные кости в их сторону.

Зазвучала домбра. Полилась песня на казахском языке, слова которой Эвальд частью понимал, а частью об их смысле догадывался. Странно, раньше, когда по телевизору начинался концерт домбристов, он переключал на другую программу, а сейчас вслушивался в песню, музыка входила в душу и вызывала чувство покоя. Домбрист пел о самых простых вещах: о светившемся красным светом закатном солнце, о

прохладе гор, о холодной воде из родника, о путниках, ведущих на поводу навьюченных лошадей, о встречах в конце пути, и о счастье увидеть родные места. Певец импровизировал и это была не просто песня о том, что он видел, эта была песня казаха о родных просторах, о родном небе, о Родине.

Принесли мясо по-казахски. На круглом разносе лежала лапша, кусочки казы и крупные куски мяса. Все с нетерпением ждали, когда Дарбай на правах хозяина разделит мясо на мелкие кусочки. Кулантай поднёс раскрытые ладони к своему лицу, проговорил традиционную молитву, и мужчины принялись за еду. Эвальд не забыл, как едят бешпармак и так же, как остальные мужчины, захватывал пальцами кусочек мяса, добавлял лапшу и, стараясь не накапать на ковёр и на рубаху, подносил еду ко рту.

Далеко за полночь, когда было съедено всё мясо и выпита не одна пиала наваристой сорпы, когда по старшинству и по степени уважения каждый получил что-нибудь от головы барана, на Эвальда навалилась усталость. От выпитой водки не стал улавливать смысл разговора, невпопад отвечал на вопросы, и от жирной еды подступала тошнота. Он с трудом встал с ковра.

— Ты куда? — спросил Дарбай.

— Пойду, немного прогуляюсь. Может быть,

искупаюсь в озере.

Женщины, сидевшие за круглым низким столиком недалеко от очагов и пышущих жаром самоваров, что-то сказали ему вслед и весело засмеялись. Наверное, было смешно смотреть, как, пытаясь ровно держаться на ногах, пьяный мужчина неуверенно взбирался по узкой тропинке на горбатый холм, за которым находилось небольшое озеро. Перевалив через холм, он спустился к озеру, нашёл просвет в камышах, скинул одежду на каменистом берегу и вошёл в воду. Она была холодной. Эвальд нырнул с головой и, задержав дыхание, проплыл под водой несколько метров. Не отплывая далеко от берега, он плывал кругами минут пятнадцать, пока не почувствовал, что замёрз. Но ему стало легче. Мысли пришли в порядок, ушло чувство перенасыщенности и пропало желание спать. Он вышел из воды, прихватил одежду и пошёл к большому валуну в двадцати метрах от озера. Здесь лёг голый на траву, подстелив под себя рубаху. От нависшего над ним гранитного камня веяло накопленным за день теплом. Тень от камня тянулась до самого озера. Другая сторона озера была освещена луной, и вода там отражалась свинцовым светом. Камыши шевелили мохнатыми хвостами, и казалось, что замороженные тихой ночью шевелится в безмолвном танце людская масса. Где-то стрекотал

кузнечик, несколько раз проквакала лягушка, и послышался всплеск после её смелого прыжка в воду. Эвальд наслаждался тишиной и прохладой. Остывшее после купания тело покрылось гусиной кожей, но ему было лень вставать и одеваться. За холмом, в той стороне, где стояли юрты, слышался звук домбры и стук дизельной электростанции. На холме вдруг показался силуэт собаки. Она сбежала по тропе вниз, остановилась в десяти метрах от лежавшего в тени нависшего камня мужчины и зарычала. Послышались шаги и вслед за собакой появился человеческий силуэт. С холма спускалась женщина. Догадаться об этом можно было по облегающей до самых пяток юбке, по высоко накрученному на голову платку-кимишек, и по лёгкой неслышной походке. Она сказала что-то собаке и прошла мимо неё. Лица её не было видно. Мужчину она не могла видеть, но, конечно же, догадалась, что кто-то находится под валуном. А может быть, она точно знала, кто может здесь быть? Женщина прошла к берегу. Собака послушно бежала за ней. На берегу женщина сняла кимишек с головы и длинные волосы рассыпались вдоль спины. Она быстрыми движениями скинула с себя одежду и подошла к воде. Эвальд не имел представления, кто была эта женщина, и, не отрываясь, смотрел на её силуэт в просвете между зарослями камыша. На фоне воды угадывались

тонкая талия, маленькие груди и плавно округлённые бёдра. Женщина вошла в воду, окунулась с головой и поплыла к середине озера. Слышен был плеск воды под её руками, но минут через пять вдруг стало тихо. Собака, суетливо бегавшая вдоль берега, тоже исчезла. Через десять минут Эвальд начал беспокоиться, не утонула ли она? В мае вода ещё холодная и мало кто купается в это время. Что делать? Позвать кого-нибудь на помощь? А вдруг ничего не случилось? Если честно, ему было просто лень встать и бежать куда-то за помощью. Да и озеро было не настолько глубоким, чтобы в нём можно было утонуть. Он всматривался в озёрную гладь, надеясь вновь увидеть силуэт женщины. За гранитным валуном луна скрылась за тучей. Поверхность озера стала чёрной. Его глаза устали от напряжения, и он прикрыл их, но вдруг почувствовал кого-то рядом с собой. На расстоянии вытянутой руки от него стоял зверь. Кто это был; волк или собака? Панический страх охватил мужчину. Неожиданно за гранитным валуном хрустнула щебёнка, лёгкие шаги приблизились к Эвальду. Неизвестный опустился возле него на колени, и он почувствовал чью-то ладонь на груди. Ему хотелось встать, но ладонь придержала его. Отвернувшись от зверя, он глянул на стоявшую возле него женщину. Лицо её было скрыто волосами. Она наклонилась над ним, и

мокрые волосы защекотали грудь и лицо. Её ладони прикоснулись к его телу. Желание просыпалось в нём. Он протянул ладонь и прикоснулся к маленьким и упругим грудям. Её кожа была холодной и мокрой. Незнакомка нежно прошлась пальцами по лицу мужчины, засмеялась и пошла по склону к озеру. Он хотел встать и идти за ней, но сидевшая рядом собака угрожающе зарычала. Снова в камышином просвете виден был силуэт женщины. Она была прекрасна, мужчина был в этом уверен. Женщина вошла в воду и тут же вышла, неторопясь оделась, накинула платок и пошла по тропинке к юртам. Собака пару раз угрожающе гавкнула и побежала за ней следом.

Что это было — сон или действительность? Эвальд лежал под валуном и ему хотелось, чтобы этот сон вернулся. Стало прохладней. Мужчина встал, оделся и пошёл на прямую по травенистому склону туда, где уже перестал стучать дизель, и в ночной тишине слышались людские голоса. На востоке светлело. Несколько женщин суетились у потухших очагов. Никто из них не мог быть той неожиданной гостьей у озера. Все они были стары, и даже ночью можно было угадать в обрамлении белых платков морщины, потухший взгляд и усталость от прожитых лет. Кулантай спал на подушках. Двое мужчин допивали водку, заедая остывшим мясом. Дарбай стоял у входа в белую

юрту и курил.

— Хочешь ещё выпить? — спросил он своего друга.

— Нет. Я хочу спать.

Эвальд не спал уже почти сутки и теперь ему хотелось только одного — лечь и от всего отключиться. Дарбай показал ему место в юрте. Он лёг и мгновенно заснул. Ему снилась женщина. Опять её лица не было видно. Она шла по росе к озеру и там, где ступали её голые ноги, оставались следы в траве, которые цепочкой тянулись за ней. Женщина вошла в озеро, и голубая вода плескалось о её смуглое тело, и лучи утреннего солнца прятались в её длинных волосах, и изумрудным блеском блестели капли воды на её груди, и Эвальду хотелось идти за ней и пить ту воду, в которой купалась прекрасная незнакомка.

Проснулся он от жажды. Во рту всё пересохло. Яркий свет пробивался через приоткрытый верх юрты. Солнечный луч бил ему в лицо. Он встал и вышел на улицу. Женщины, как будто и не ложились спать, всё также возились у казанов. Они здоровались с ним по-казахски, и он на том же языке отвечал им. Одна из них налила полную пиалу айрана и протянула ему. Гость с жадностью выпил этот спасительный напиток. Сбегав в стоявшую поодаль обтянутую брезентом будочку и умывшись под навешенным на кривой

столб рукомойником, Эвальд сел на подстеленную кошму у столика. Перед ним поставили полную чашку свежих баурсаков, сахар в тарелочке и налили крепкий чай, разбавив его молоком.

— Где Дарбай? — спросил он у женщины, наливавшей чай.

— Он рано утром уехал в район. Сауле тоже с ним поехала.

На стойбище кроме трёх пожилых женщин никого не было. Эвальду, с одной стороны, хотелось знать, кто была та незнакомка, но с другой стороны, он не хотел этого, боясь разочарования. Да и у кого спросить про неё?

— А куда делись остальные гости? — снова спросил он у женщины.

— Сегодня понедельник. Разъехались.

От стоявшего в зените солнца становилось жарко. Эвальд пошёл по дороге на тот холм, откуда спускались вчера на машине. Подниматься по склону было не тяжело, но на ярком солнце рубаха стала влажной от пота. На самом верху холма он присел на плоский камень. Отсюда дорога в обе стороны шла вниз. Вчера ещё холм был зелёный, а сегодня всё вокруг до самой лощины зацвело красным цветом. И следующий холм у горизонта был тоже окрашен в красный цвет. Эвальд обернулся в ту сторону, где стояли юрты. Так же голубым было озеро, так же нависала над ним

гранитная скала, только склоны вокруг него расцвели маками, и голубизна озера стала от этого ещё ярче и сочнее. Вот чего ему не хватало все эти годы. Этих цветущих маков, этого прозрачного воздуха, этого горячего солнца, этих парящих в высоте беркутов, этой голубой воды и этого бесконечного простора.

Впереди был шумный южный город с громкоголосым базаром, железная дорога с суетливыми вокзалами, запахами угля и мазуты, самолёт, уносящий его в другую привычную жизнь. В той жизни были жена и дети, которых он любил, работа, от которой он уставал, но которая ему нравилась, хвойные и смешанные леса, ярко-жёлтые рапсовые поля, церкви и замки с вековой историей, тысячелетние города и многоязычная речь. Там был теперь его дом. Но весна на Джайляу, этот маков цвет, эта широта степи и высота неба, всё это останется в памяти навсегда и будет всю оставшуюся жизнь снова и снова настойчиво звать к себе.

Тетя Марта

Моя тётя приехала в Германию пятнадцать лет назад. Ко времени отъезда из Киргизии она была уже на пенсии, но здесь до шестидесяти пяти лет вынуждена была жить за счёт социальной

помощи. Там, в Киргизии, она работала поваром в спортивном интернате для одарённых детей. Те, кто приехали из бывшего Советского Союза, прекрасно могут себе представить, что значило в те времена быть поваром в Республиканском элитном интернате. По-настоящему родным нам был дядя, но она, его жена, любила нас больше. Мы тоже её любили. Было за что. В её доме нас всегда принимали приветливо и уезжали мы из него, как правило, нагруженные авоськами с продуктами. Особенно чувствительна была её помощь, когда наступили карточные времена. Я, как и все мои братья и сёстры, в случае нужды, ехал из провинциального казахского городка в столицу Киргизии, называвшейся тогда ещё Фрунзе, и получал от тёти необходимые продукты, которых хватало, при экономном расходовании, на два-три месяца. А экономить для полной и окончательной победы развитого социализма в то время вынуждены были в каждой семье.

Во времена Брежневского коммунизма излишков продуктов, остававшихся от избалованных спортивных талантов, было столько, что тётя сумела построить добротный дом не только для себя. Она всем своим детям помогла обзавестись собственным жильём и машинами. Нет, конечно, не только благодаря ей было изобилие в доме. Наш дядя тоже сидел на тёплом и наваристом

месте. Он работал водителем погрузчика на угольном складе. Многие из тех, кто имел свои дома и вынужден был на зиму покупать уголь, знают не понаслышке, какое это золотое дно — угольный склад. Один подъём ковша с углем стоил один рубль. К концу рабочего дня в карманах дяди набиралось столько замызганных чёрной пылью и мазутом рублей, что он порой не знал им счёта. Жаль, что мы, его племянники, жили далеко от него, и нам приходилось отдавать свои кровные рублики чужим трактористам.

По характеру тётя Марта была общительной и весёлой женщиной. Имея в достатке сахар, она варила для своих надобностей самогон, который был крепостью под семьдесят градусов, и любила по случаю приезда родственников пропустить пару гранёных стопочек, после чего делалась разговорчивой и откровенной. Она любила пошутить, но сама шутки понимала плохо, принимала элементарные розыгрыши за чистую монету и из-за этого часто попадала впросак. Так, когда она с семьёй летела из Москвы во Франкфурт на самолёте немецкой авиакомпании, ей подали обед. Среди невиданных доселе яств на подносе лежал в красивой упаковке вкусно пахнущий пакетик. Она спросила своего зятя, особенно расположенного к шуткам различного рода, что это такое. «Это, мама, после еды закусить, чтобы

неприятный запах во рту исчез» — ответил он совершенно серьёзно. Каково же было удивление стюардессы, когда она увидела, как пожилая пассажирка пыталась откусить от сложенной вчетверо освежающей салфетки для лица.

Привыкшая к частым визитам племянников, тётя Марта по-настоящему скучала без нас. Зная об этом, зять решил тётю разыграть. Он сочинил письмо, якобы от меня, вложил его в конверт, приклеил марку и бросил в почтовый ящик. Обратным адресом на конверте он обозначил город, находящийся в сорока километрах от Бибераха. В письме я, как будто бы, писал: «Дорогая тётя Марта, вот уже неделю, как я с семьёй живу в лагере в городе Саулгау. Нам здесь очень нравится. Рядом лес. Воздух удивительно чистый. Так хотелось бы вас увидеть, но мы не знаем, насколько далеко от нас расположен город Биберах. Здесь никого из родных нет и даже за помощью обратиться не к кому»..., и далее в том же духе. Когда дядя, незнавший моего почерка, прочитал письмо вслух, тётя Марта была на седьмом небе от счастья. «Ну, надо же, — радостно приговаривала она, — Володя совсем рядом от нас! Надо к нему ехать!» Дочь тёти Марты, догадавшаяся о том, кто писал письмо, не стала раскрывать правды. Отчасти, она была рада, что у мамы повысилось настроение и выровнялось скачущее давление. Зять

же был особенно доволен своей шуткой.

Утром и дочь и зять отправились на работу. После рабочего дня дома их ждал сюрприз. Дядя с тётёй с утра взяли из общей кассы все оставшиеся деньги и закупили продукты для якобы пропадающего без их помощи в чужом городе племянника. Чтобы купить самое необходимое им пришлось дважды ходить в расположенный неподалёку супермаркет. Когда дочь и зять увидели рядом с этим изобилием наряженных в полную парадную форму родителей, было уже не до шуток. Пришлось открыть правду. Бананы и огурцы, которые быстро испортились, выбросили, а сладостями и продуктами питались целый месяц всей семьёй.

Самое интересное то, что шутка моего шурина оказалась вещей. Я действительно через год оказался не то чтобы в соседнем городе, а в том самом Биберахе, где жила моя любимая тётя. На самом деле я с семьёй должен был попасть в город Ульм, к сестре моей жены. Но на тот момент в Ульме лагерь был переполнен и когда чиновник спросил, есть ли какие-нибудь родственники поблизости, я назвал адрес дяди и был направлен в его город.

Сейчас тётё Марте 78 лет. Мой дядя умер. Она живет по-прежнему с дочерью. Тётя сильно сдала, а память совсем подводит. Когда я прихожу её

навещать и привычно целую в щёку, она удивленно и изучающе смотрит на меня и спрашивает: «Ты кто?». Услышав от меня, кто я такой, она радостно улыбается и нежно гладит мои ладони. Её как будто на мгновение что-то озаряет, но через пару минут она снова спрашивает: «А где ты живёшь?». Я рассказываю ей, что живу на соседней улице и что она много раз была у меня в гостях. Ей приятно слышать, что мы родственники, но через несколько минут она опять меня спрашивает: «Ты кто?» и я уже в который раз терпеливо рассказываю ей о себе.

Несмотря на то, что она меня больше не узнаёт, я по-прежнему её люблю. Мне приятно вспоминать её чистой слезы самогон, упакованное в непромокаемую бумагу высокосортное масло, приготовленные ею настоящий украинский борщ, русские пельмени, узбекский плов и немецкий нудль-суп. Но больше всего мне запомнились её участливый разговор, бескорыстное тепло и любовь, которыми она одарила меня, как своего собственного ребёнка.

Слёзы моего деда

Мой дедушка дважды сидел в лагере. Первый раз после того, как его раскулачили и выслали в Казахстан. Он получил тогда восемь лет тюрьмы за

антисоветскую пропаганду и вернулся домой, когда уже шла война. Второй раз его осудили на десять лет сразу после войны за то, что он с разрешения заместителя коменданта переехал с семьёй в другую деревню, где нужен был кузнец, и где платили больше. Вернувшемуся из отпуска коменданту не понравилось, что переезд с ним не согласовали, и он состряпал на моего деда дело. А если на человека заведено дело, то статья найдётся обязательно. Деду приписали самовольный переезд, пропажу кузнечных инструментов и ещё Бог весть что и отправили в Мойынкумские степи заготовливать саксаул.

Впервые я увидел его, когда мне было пять лет. Почему-то эта встреча осталась в моей памяти на всю жизнь. Сейчас, когда прожита большая её половина, я всё чаще вспоминаю этот день. Особенно в моменты, когда на душе тяжело, и давит груз нерешённых проблем, я мысленно возвращаюсь в тот жаркий летний день, и на сердце становится светлее, проблемы на время забываются, жизнь представляется уже не такой тяжёлой, и натянутые до предела нервы расслабляются.

В тот день я строил у колодца замок из глины и песка. Было жарко. Мои постоянные враги, петух и гусак, отдыхали где-то в тени за сараем, и поэтому я смело месил свой строительный

материал. Воду я вылил из тяжёлого оцинкованного ведра в предварительно вырытую ямку. Воды в ведре было много, и она из ямки пробила себе дорогу к протоптанной у колодца тропинке и впиталась там в пыль. Замок у меня не получался. Или не соответствовала пропорция пыли и песка, или я переборщил с водой. Мне было обидно и хотелось плакать. Я был так сильно занят своей работой, что не обратил внимания на промелькнувшую мимо тень. Только когда услышал громкое ругательное слово, я выглянул из-за колодца и с любопытством уставился на высокого, худого, с продолговатым лицом и голубыми глазами мужчину. Ругаясь по-немецки, он стряхивал со своих изношенных брезентовых ботинок налипшую грязь, которая образовалась от вылитой мной воды. Я чувствовал себя виноватым и, боясь наказания, заранее заплакал. Мужчина вытер грязь о засохшую траву, подошёл ко мне, присел на корточки и улыбнулся. Он положил ладонь на мою лысую голову и, шевеля пальцами, сказал:

— Не плачь, маленький. Ничего же не случилось. Грязь — она высохнет. Грязь — это не самое страшное.

Он всмотрелся в меня, как будто что-то вспоминая, и спросил:

— Как тебя зовут?

— Саша.

Мужчина взял меня за локти своими крепкими руками и приподнял над землёй.

— Ты похож на свою маму.

Он прижал меня к груди и пошёл к моему дому. Странно, но я почему-то не боялся его. Мало того, мне было хорошо на его груди. Мне было приятно от поглаживания его шершавой ладони, я слышал, как громко и быстро стучит его сердце, и запах от него шёл какой-то приятный и родной. Много лет позже, уже во взрослой жизни, часто входило в мою душу радостное предчувствие, если где-нибудь я случайно учую дух горящих углей, смешанный с запахом пота, железной окалины и машинного масла. Почувяв этот запах кузницы, я начинаю оглядываться, надеясь увидеть где-нибудь поблизости высокого, покрытого сединой, угловатого, с руками, как оглобли, и широкими сильными ладонями, мужчину.

Мы шли к дому, вернее, к землянке, где жило нас тогда восемь душ, а навстречу нам бежала моя бабушка, забывшая накинуть платок на голову. Мать стояла у калитки, радостно улыбалась и прижимала к себе мою младшую крикливую сестрёнку. Дед обнимал бабушку, и по щекам его бежали слёзы, которые скатывались на моё лицо. Зажатый между бабушкой и дедом, я не мог смахнуть их, и они катились по щеке на мои губы, и